

Наконец-то наступило лето. После холодной зимы и безрадостной, чуть ли не настолько же снежной весны, пришло жаркое лето. Безлюдные пляжи оживились и люди подставили свои белые тела под иногда ласковые, иногда жалящие лучи солнца.

Женщины сняли с себя все утепляющее и скрывающее и предстали перед воспаленными глазами мужчин скорее раздетыми в своих немногих одеждах, чем одетыми. С каждым днем становилось все сложнее и сложнее оставаться равнодушным и спокойным.

В метро в давке и когда посвободней не знаешь куда девать глаза, от этих белых ног, которые прекрасны у всех девушек, даже у совсем не красивых. Только опускаешь глаза и видишь, аккуратные маленькие пальчики, у многих эти пальчики божественно красивы. Хочется взять эту маленькую ступню в руку и прижать к губам, целовать и целовать ее. Брать каждый маленький пальчик в рот и ласкать его языком, заглатить всю пяточку в рот, как грушу. Насколько эти мысли волнительны и возбуждающи, что черт — это становится заметным. Но глаза выше лучше не поднимать, узенькие брючки — через которые проступают четкие очертания трусиков, у некоторых эти трусики скромные, закрывают всю попку, у некоторых — это узкая полоска лишь чуть закрывающая долину между двумя вершинами. Или сверхкороткие юбки, с надрезами, и каждая девушка ставит свой рекорд — до сюда ногу еще никто в общественном транспорте не показывал. Они держатся за поручни открывая всему страждущему миру свои бритые подмышки, свои бесстыже чувственные подмышки, которые говорят о девушке больше чем все ее тело и ее слова.

Я видел там немку, я почему-то сразу понял что это немка, до того как она заговорила со своим красавцем мужем, широкозадая, некрасивая с могучим подбородком, но она приподняла руку и там я увидел годами не стриженные волосы — аж дыхание сперло. Да, это определенно становится невозможным.

Пора и мне позагорать. Я выбрался на крышу своего высотного дома, сюда никто не ходит, и расположился на принесенном с собой одеяле. Я разделся, снял трусы, я люблю загорать нагишом, лег на живот и закрыл глаза. Солнце приятно грело, теплый ветерок иногда обдувал тело. Прошло какое-то время и я услышал шаги. Я открыл глаза.

На крышу вышла девушка, я не знал что предпринять, сюда ведь никто никогда не заходил. Но она меня не заметила — это было удивительно, потому что мою белую попу на фоне черной крыши не заметить было нельзя. Она была высокая, с длинными темными вьющимися волосами. Одета была в длинное просторное платье.

Она разложила простыню (все еще не замечая меня!), и, о радость, начала раздеваться. Повернувшись ко мне спиной она начала через голову стягивать платье. Казалось, очень, очень медленно начинают обнажаться ее длинные тонкие ноги, (быстрее-быстрее думал я), показались черные кружевные трусики, спина — с выступающими лопатками и полоской лифчика. Наконец-то сняла платье и присев на корточки аккуратно его положила. Не поворачиваясь сняла бюстгалтер и (тут я почувствовал что лежу на чем-то твердом), начала стягивать трусики, я увидел ее маленькую практически как у мальчика попу. Она повернулась ко мне и подняв руки потянулась. Ничего прекраснее я никогда не видел — это была моя воплощенная мечта. Длинные и тонкие ноги, сильно заросший остров внизу живота, небольшие острые груди с ягодками сосков, элегантно и изысканно отпущенные волосы в

подмышках, длинная, завущая к поцелуям шея.

И тут я не выдержал... Воспитанный в бывшем Советском союзе на порнографии, ничему не верящий и ничему не удивляющийся читатель, без труда уже закончил последнюю фразу самостоятельно и плюнул от отвращения — ну и отстой. Но все было не совсем так, дорогой дружок. И тут я не выдержал и потерял сознание.

Пришел в себя когда был уже вечер, на крыше никого не было, на месте где загорала она — была огромная лужа, которая была здесь на протяжении нескольких дней до этого. Я все понял. Попа совсем обгорела и сесть было невозможно, страшно тошнило и болела голова — это был солнечный удар.